

М. А. Фельдман

**НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА КНИГУ В. Я. КРИВОНОГОВА
«НАЕМНЫЙ ТРУД В ГОРНОДОБЫВАЮЩЕЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА...»¹**

Проблемы генезиса капитализма, формирования в недрах феодальной формации капиталистического уклада, промышленного переворота в России относились к одним из самых дискуссионных в советской исторической науке². Книга В. Я. Кривоногова «Наемный труд в горнодобывающей промышленности Урала в дореформенный период (1800—1860 гг.)» (Свердловск, 1964) стала продолжением его исследования «Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII в.», опубликованного в Свердловске в 1959 г. В предисловии к изданию 1964 г. выдающийся уральский историк М. Я. Сюзюмов писал, что изучение развития наемного труда на Урале является частью более широкой проблемы — генезиса капитализма в регионе³. При этом автор предисловия, блестящий специалист по истории Византии, в соответствии с жесткими марксистскими требованиями отмечал, что уже в начальный период промышленного переворота на Урале новые производственные отношения оттесняли устаревшие феодальные институты в промышленности⁴.

Между тем в исторической литературе советского времени были широко известны критические высказывания в отношении взглядов В. Я. Кривоногова⁵. Попробуем разобраться в многолетней дискуссии, посвященной проблеме развития капиталистических отношений на Урале в дореформенный период.

Во введении к монографии 1964 г. В. Я. Кривоногов давал обзор историографических работ, традиционно начиная его с работ В. И. Ленина. Правда, цитирование Ленина, вынуждало упомянуть ленинские слова: «В основе “организации труда” на Урале издавна лежало крепостное право, которое и до сих пор, *до самого конца 19 века*, дает о себе знать на весьма важных сторонах горнозаводского быта»⁶. Другого комментария к словам Ленина, кроме как признания существования «практики внеэкономического принуждения, опиравшегося на феодальные монополии и владельческое право»⁷, подобрать трудно.

Собственно говоря, рассмотрение историографических работ дореволюционных авторов о наемном труде на Урале подводило В. Я. Кривоногова к такому же выводу. Практически все исследователи этой проблемы, как автор констатировал во введении, «утверждали, что до отмены крепостного права горнозаводская промышленность Урала всецело базировалась на обязательном или крепостном труде»⁸. Как видно, резюме трудов предшественников не противоречило конкретному ленинскому суждению, но противоречило основному тезису ленинизма *о закономерном и победном становлении капиталистических отношений еще в недрах феодальной формации*. Оставалось обвинить «буржуазных историков различных оттенков» в том, что «они просмотрели факт разложения крепостничества под воздействием развития капиталистических отношений в дореформенное время»⁹. Весомость обвинения вызвала вопросы, поскольку предшественники опирались на фактический материал, зафиксированный и В. Я. Кривоноговым. Претензии же к ним сводились к положению общего порядка: дореволюционные исследователи «не понимали необратимые процессы исторического развития»¹⁰.

Однако и советские историки, осознавшие «необратимые процессы» (М. В. Нечкина, А. В. Предтеченский, А. А. Савич, С. Г. Струмилин, С. П. Сигов), оказались, по мнению В. Я. Кривоногова, не лучше своих предшественников, зафиксировав господство подневольного труда как на частных, так и на казенных заводах Урала¹¹. Естественно, вывод мог быть только один: «в 20—30-е гг. советские историки не продвинулись вперед в решении рассматриваемой проблемы и существенно не обогатили источниковедческую базу исследования»¹².

Сдвиг, как отмечал автор, наметился в трудах К. А. Пажитнова 1940 г., определившего общий удельный вес наемного труда в горнозаводской промышленности России к 50-м гг. XIX в. в 19 %, и А. Г. Рашина (также 1940) с аналогичным показателем в 30 %. Но и этим историкам было отказано в праве на серьезное обсуждение проблемы наемного труда в горнозаводской промышленности России, и в особенности Урала¹³. Оценив в работе А. М. Панкратовой (1955) разделение массивов крепостных и вольнонаемных рабочих, В. Я. Кривоногов усомнился в ее же выводе о некапиталистическом характере дореформенного найма вообще, о сведении взаимоотношений между вольнонаемными рабочими и предпринимателями к внеэкономическому принуждению¹⁴.

Историк имеет право на сомнения. Однако, желая того или нет, автор отказал в научной достоверности всей предшествующей исторической литературе, указав на «отсутствие до последнего времени достаточного количества архивных источников, дающих возможность определить конкретные формы найма рабочей силы»¹⁵.

Справедливость высказывания читатель мог проследить, когда В. Я. Кривоногов пытается разрешить спор «глубокого знатока экономического истории России» В. К. Яцунского и «искусного мастера статистического эксперимента С. Г. Струмилина»¹⁶. Отметив, что В. К. Яцунский обоснованно предостерегает от искажения фактов, в частности преувеличенной оценки доли наемного труда в горнозаводской промышленности Урала¹⁷, В. Я. Кривоногов, тем не менее, встал на сторону его оппонентов. Своеобразным аргументом в пользу этой точки зрения прозвучали слова о том, что до сих пор спорящие стороны не опубликовали своих полных исчислений о доле наемного труда, поэтому вопрос остается дискуссионным¹⁸. Еще раз подчеркнем это положение: *отсутствие полных исчислений о доле наемного труда*.

Уделив основное внимание в историографическом обзоре проблеме количественного анализа горных рабочих, автор весьма скупо остановился на вопросе их социального состава. Государственные крестьяне, по мнению В. Я. Кривоногова, в первой половине XIX в. были основным источником *наемного труда* в горнозаводской промышленности, и массовый отход этой категории работников сопровождался их *юридической личной свободой*¹⁹.

Основанием для подобного вывода автора послужила замена института приписных крестьян в 1807 г. *непременными работниками*. При этом автор указывает, что непременные работники были подчинены системе круговой поруки и строгой субординации, обеспечены покосами и пашенными землями²⁰. На основании сказанного В. Я. Кривоногов обоснованно подчеркивает: в последующее время (1820—1840-е) непременные работники боролись против практики *крепостнической эксплуатации, стремясь освободиться от заводских работ*²¹.

Указав на положение непременных работников, опирающееся на юридическую и социально-экономическую практику, В. Я. Кривоногов делает умозаключение, не базирующееся на статистических выкладках: «поскольку крепостничество было еще сильным, то им [непременным работникам] ничего не оставалось делать, как выполнять заводские работы за себя путем вольного найма»²². Однако тут же автор добавляет, что стремление к найму рабочей силы было присуще всем непременным работникам, но большинство из них *было не в состоянии нанять за себя*²³.

Введение в 1847 г. категории урочнорабочих, которым было предписано быть занятыми 125 обязательных дней в году на заводских работах, В. Я. Кривоногов оценивал как новый этап развития капиталистических отношений²⁴. Мнение С. Г. Струмилина, приведенное в монографии, заметно отличается от оценки В. Я. Кривоногова. Урочнорабочих, на основе анализа их юридического положения, С. Г. Струмилинин рассматривает как особую социальную группу, не входящую ни в состав вольнонаем-

ных, ни в состав обязательных работников и состоящую из сезонников²⁵. Замечание В. Я. Кривоногова «о наличии (у непрременных работников) личной заинтересованности в выполнении урочных работ»²⁶, на наш взгляд, выглядит натянутым. Подлинное положение не только урочнорабочих, но и заводских мастеровых раскрывает письмо министра финансов Ф. Вронченко 1848 г., требующее постоянного надзора за нравственностью рабочих, контроля за их местонахождением и выполнением регламентированных обязанностей²⁷.

Пытаясь выйти из сложного положения, В. Я. Кривоногов пишет о том, что крепостной труд доминировал на заводских работах, а вольнонаемный — на вспомогательных²⁸. Однако тут же в монографии звучит указание на то, что в роли вольнонаемных выступали крепостные, отпущенные на оброк, либо государственные крестьяне²⁹.

На основании данных, приведенных В. Я. Кривоноговым, прослеживается закономерная зависимость между степенью промышленного развития уральской губернии и масштабом отходничества: так, в 1845 г. в наиболее развитой в индустриальном отношении Пермской губернии взяли документы на отход 13,4 % государственных крестьян, в Вятской — 8,8 %, в Оренбургской — 6,7 %³⁰.

Автор справедливо указывает, во-первых, на специфику социального состава горнозаводского населения Урала, прежде всего на характеристики старателей, занятых в добыче золота. В этой социальной группе действительно преобладали вольнонаемные рабочие, но занятые сезонно³¹. В этой связи обоснованно звучит мысль о том, что в рудниках уральских горных округов не сложились постоянные кадры рабочих. В силу специфики горнодобывающей промышленности — преобладания примитивной техники и господства ручного труда — сохранялась система *прямого принуждения* и низкой оплаты труда³².

Во-вторых, он говорит о широком развитии ремесленного и кустарного производства, создававшего почву для мануфактурного производства в негорнозаводской промышленности, буквально — о «почве для возникновения крупного мануфактурного производства»³³. Но приведенные автором данные, его же выводы свидетельствуют о преобладании к 1861 г. мелких заведений (от одного до шести рабочих). К числу крупных мануфактур отнесены 30 предприятий в Пермской губернии со средним числом рабочих на каждой из них менее 70 человек³⁴. Во многом это объяснялось позицией феодального государства, его представительства в крае в лице Уральского горного управления, стоявшего на страже интересов вотчинников — владельцев горнозаводских округов. Запрет на занятия вольным горным промыслом всем служащим, мастеровым, чиновникам, их женам и прочим родственникам выступал только одним из законодательных проявлений государственной политики³⁵.

В. Я. Кривоногов отмечает слабость частных рудопромышленников как формирующейся социальной группы, указывает на многие примеры жесткой регламентации их деятельности, включая ограничение доходов от производства, присвоения части их прибыли государственной казной. Особую роль в стеснении деятельности рудопромышленников играли нормативные документы (штаты) 1827 и 1847 гг. Закономерен вывод автора о том, что все эти причины определили упадок частного рудного промысла на Урале в 30—40-е гг. XIX в.³⁶ «Только ликвидация крепостного права и феодальных монополий (частновладельческих горнозаводских округов. — М. Ф.) могла развязать руки частной инициативе и создать условия не только для вольного найма, но и для формирования пролетариата как самостоятельно общественного класса», — завершает автор главу «Наемный труд на добыче и поставке железной и медной руды»³⁷. Трудно не согласиться в этом с В. Я. Кривоноговым!

С одной стороны, горнодобывающая промышленность была главной и первой отраслью уральских заводов, где начали применяться паровые машины. С другой стороны, как отмечал В. Я. Кривоногов, внедрение машинной техники встречало сильное сопротивление феодальных производственных отношений, господствующих на Урале. Так, всякое новое устройство, требовавшее дополнительного расхода топлива, тормозилось всеми учреждениями, ведавшими горнозаводской промышленностью. В результате в первой четверти XIX в. паровые машины в горной промышленности возникали и быстро исчезали³⁸.

Пытаясь выявить следы быстрого развития промышленного переворота на Урале, В. Я. Кривоногов приводит несколько примеров использования паровых машин на золотых приисках. Например, в 1860 г. на 49 миасских золотых приисках насчитывалось три паровых машины в 20 лошадиных сил. На основании этого внезапно звучит вывод о процессе вытеснения ручной техники машинами (!?)³⁹.

Автор указывает на диалектическую взаимосвязь наличия значительного массива крепостных рабочих и сохранения примитивной техники, несмотря на распространение в горной промышленности частного предпринимательства: «Дешевая рабочая сила позволяла заводам и при наличии примитивной техники выгодно преодолевать трудности природного порядка»⁴⁰. Зафиксированы зона применения вольнонаемного труда (круг чернорабочих)⁴¹, а также формы привлечения наемных рабочих — *сезонные артели*, состоящие из крепостных рабочих, не занятых на заводских работах, либо государственных крестьян⁴². Так, на миасских золотых приисках в роли наемных рабочих использовались крестьяне Вятской губернии, нанимающиеся на летние месяцы. При этом власти препятствовали стремлению крестьян самостоятельно распоряжаться своим

трудоустройством⁴³. На невьянских золотых приисках старатели представляли собой крепостных людей горнозаводчиков⁴⁴.

В. Я. Кривоногов подчеркивал: сословная паспортная система и требования губернских властей о возврате крестьян-отходников в свои селения затрудняли создание постоянных кадров квалифицированных рабочих на промыслах золотопромышленников⁴⁵. Раздел, посвященный социальному положению наемных рабочих, завершается следующим выводом: «работа крепостных заводских людей по найму *не освобождала их от возможного производства и крепостнической эксплуатации* (выделено нами. — М. Ф.)»⁴⁶.

Рассмотрев ряд отдельных примеров, В. Я. Кривоногов обоснованно отмечает: выявленные статистические данные пока не позволяют сделать выводы о степени применения наемного труда в горнодобывающей промышленности Урала⁴⁷. Тем поразительнее звучит умозаключение автора о том, что рассмотренные факты показывают: процесс развития капиталистических отношений захватил золотые промыслы как посессионных, так и вотчинных горных округов дореформенного Урала⁴⁸. (На наш взгляд, весь предшествующий текст свидетельствует об обратном.)

В заключении книги автор приводит подсчеты, не претендующие на точность (вспомним реплику автора об отсутствии «полных исчислений о доле наемного труда»), свидетельствующие, что в горнорудной промышленности Урала наемный труд составлял 30—50 % используемых видов трудовых отношений, а на золотых промыслах — 70—90 %. Из этого вытекает вывод о масштабности развития капиталистических отношений⁴⁹.

Однако приведенные статистические сведения о социальном положении наемных рабочих говорят о вполне определенных качественных характеристиках. Перед нами либо старатели-кустари, либо вспомогательные рабочие, занятые сезонным трудом. В обоих случаях это работники, действующие в рамках феодальных отношений, внутри феодальных вотчин — горнозаводских округов.

Балансирование между верными идейными позициями и не подтверждающим их конкретным материалом — сюжет, часто встречающийся в советской историографии. Книга В. Я. Кривоногова «Наемный труд в горнодобывающей промышленности Урала в дореформенный период (1800 — 1860 гг.)» — еще одно подтверждение этого явления. Но для историков монография В. Я. Кривоногова представляет значительную ценность, подтверждая, казалось бы, банальную истину: сам по себе накопленный фактический материал может обрести самостоятельную жизнь под взглядом историка, освобожденного от идеологических догм. Неустойчивыми могут оказаться идейные конструкции, лишенные конкретно-исторической достоверности и фундированной статистической базы.

-
- ¹ *Кривоногов В. Я.* Наемный труд в горнодобывающей промышленности Урала в дореформенный период (1800—1860 гг.). Свердловск, 1964.
 - ² См.: *Заболотный Е. Б., Камынин В. Д.* К 95-летию со дня рождения В. Я. Кривоногова (1911—1977) // *Россия и мир : история и историография : междунар. альманах.* Вып. 1. Екатеринбург, 2006. С. 172.
 - ³ См.: *Кривоногов В. Я.* Наемный труд в горнодобывающей промышленности Урала в дореформенный период. С. 3.
 - ⁴ См.: Там же.
 - ⁵ См.: См.: *Заболотный Е. Б., Камынин В. Д.* К 95-летию со дня рождения В. Я. Кривоногова. С. 172.
 - ⁶ *Кривоногов В. Я.* Наемный труд в горнодобывающей промышленности Урала в дореформенный период. С.6.
 - ⁷ Там же.
 - ⁸ Там же. С.10.
 - ⁹ Там же.
 - ¹⁰ Там же.
 - ¹¹ См.: Там же. С.11.
 - ¹² Там же.
 - ¹³ См.: Там же. С.12.
 - ¹⁴ См.: Там же. С.13—14.
 - ¹⁵ Там же. С. 14.
 - ¹⁶ Там же. С. 15.
 - ¹⁷ Удельный вес рабочих наемного труда В.К. Яцунский оценивал в 20 % , т. е. в два раза ниже, чем Ф.С. Горовой. (см. об этом: Там же. С. 16—17).
 - ¹⁸ Там же.
 - ¹⁹ Там же. С. 19.
 - ²⁰ Там же. С. 27.
 - ²¹ Там же. С. 28.
 - ²² Там же. С. 28.
 - ²³ Там же.

- ²⁴ *Кривоногов В. Я.* Наемный труд в горнодобывающей промышленности Урала в дореформенный период. С. 35.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С. 37.
- ²⁸ Там же. С. 38.
- ²⁹ Там же. (Вот как у В. Я. Кривоногова: «Многочисленные кадры наемной рабочей силы в негорнозаводской и золотой промышленности Урала комплектовались из числа заводских мастеровых — отходников»).
- ³⁰ Там же. С. 52.
- ³¹ Там же. С. 40.
- ³² Там же. С. 59.
- ³³ Там же. С. 41.
- ³⁴ Там же. С. 42—43.
- ³⁵ Там же. С. 109.
- ³⁶ Там же. С. 109, 111, 114, 121.
- ³⁷ Там же. С. 122.
- ³⁸ Там же. С. 62—63.
- ³⁹ Там же. С. 127.
- ⁴⁰ Там же. С. 64.
- ⁴¹ Там же. С. 68.
- ⁴² Там же. С. 59—84.
- ⁴³ Там же. С. 132.
- ⁴⁴ Там же. С. 168.
- ⁴⁵ Там же. С. 188.
- ⁴⁶ Там же. С. 89.
- ⁴⁷ Там же. С. 83.
- ⁴⁸ Там же. С. 180.
- ⁴⁹ Там же. С. 226.